

Д.С. Казаков

ЭЗОТЕРИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ ДЕНЕГ В ФОРМИРУЮЩЕМСЯ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ

В статье рассматривается ряд свойственных эзотерическому дискурсу мифов, связанных с деньгами, в контексте формирующегося в России общества потребления. Описываются некоторые коннотации слова «деньги» и следующие из них практики обращения с личными финансами. На примере семинара, обучающего эффективному построению и ведению личного бюджета, показано совмещение эзотерического мировоззрения, идеалов протестантской этики (деньги как материальное проявление благосклонности Бога) с гедонистическими устремлениями, способствующими лучшей интеграции индивидов в общество потребления. В качестве методологического аппарата использованы идеи Р. Барта, У. Бека, Ж. Бодрийера и В.М. Розина.

Ключевые слова: *гедонизм, карго-культ, коннотации слова «деньги», мифология, общество риска, протестантская этика, эзотерика, экзистенциальное измерение смысла.*

Key words: *consumption, journalism, medical care, medical services, mass media, social construction.*

Проблема эффективного управления личными финансами неизменно остается актуальной в современном западном обществе, в направлении которого развивается и общество российское. Стремление к высоким доходам, благосостоянию, финансовой стабильности и уверенности в будущем подкрепляется готовностью платить за полученные знания, что порождает большое количество семинаров, тренингов, обучающих игр и литературы, призванных удовлетворить этот непрекращающийся спрос, причем концепции и методы их авторов варьируются в чрезвычайно широких границах. В связи с этим большой интерес для исследования представляет один из ключевых моментов любого мероприятия или издания подобного рода — какие смыслы вкладываются в них в слово «деньги», поскольку от этих смыслов (или коннотаций) и связанных с ними ассоциаций зависит и то, как будет вестись сама работа по повышению финансовой грамотности. Знак (схема, семиозис) — это необходимое

условие изменения психики: формирование новых типов знаков, схем и семиозисов ведет к новой организации психических процессов (Розин 2001: 32). По этой причине в качестве основного метода исследования для данной статьи был взят семиологический подход, основывающийся на идеях и теориях Р. Барта, Ж. Бодрийяра и В.М. Розина, а также концепция «общества риска» У. Бека.

Анализ ряда семинаров (в одном из которых автор принял непосредственное участие в качестве слушателя), проводившихся в тренинговом центре «Альфа» г. Йошкар-Ола весной 2011 г., привел к формированию следующей рабочей гипотезы: в современном обществе, которое можно одновременно охарактеризовать и как общество потребления, и как общество риска, высокий уровень непредсказуемости развития социальных и экономических процессов и связанная с этим неуверенность отдельных индивидов в правильности принимаемых решений, а также высокая степень непредсказуемости их будущих результатов, ведут к высокому спросу на объяснение происходящих явлений с позиций эзотерического (то есть характерного для современных учений, использующих синтез элементов религий Востока с мировыми религиями) мировоззрения. В то же время конструируемая таким способом картина социальной реальности может (в значительной доле случаев) успешно согласовываться в своих наиболее существенных чертах с идеологией общества потребления. Ее главная задача (как и в других случаях усвоения индивидами тех или иных знаковых систем) состоит в успешной социализации индивида, устранении в его сознании смыслового вакуума (Там же: 113). По мнению Ж. Бодрийяра, высказанному в его работе «Симулякры и симуляция», «мы находимся во Вселенной, в которой становится все больше и больше информации и все меньше и меньше смысла». Основная задача большого количества тренингов и семинаров состоит именно в привнесении в лишенную трансцендентных смыслов социальную реальность четко определенного смысла, содержащегося в том или ином эзотерическом учении и уже после этого повышения индивидами своей эффективности в тех или иных видах социальных практик.

Таким образом, одним из способов снятия онтологической неуверенности и создания новой картины мира является привнесение дополнительных коннотаций в привычные знаки (в рассматриваемом примере это слово «деньги») и в действия, производимые с их использованием. В начале первого занятия, посещенного автором статьи семинара «Подружись с деньгами», каждому из участников было предложено назвать по одной ассоциации, связанной с последними (или, если брать более широко, с финансовой сферой вообще), которая бы одновременно характеризовала его собственные отношения с ними. Ответы в целом оказались предсказуемы: «евро», «миллионер» и т. д., после чего ведущая, с целью сломать рамки обыденного восприятия денег, дала свою собственную ассоциацию: «Деньги — это Свет», пояснив затем, что имеет в виду «Свет Божьей Любви», одно из проявлений которого — именно богатство и финансовое благополучие. Данное определение и стало исходным для дальнейшей работы на семинаре.

Если использовать для анализа понятие «миф» в том смысле, в котором оно употребляется у Р. Барта в «Мифологиях», можно сказать, что он создается на

основе уже ранее существовавшей семиологической цепочки, выступая как вторичная семиологическая система. То, что в первичной системе было знаком (итог ассоциации понятия и образа), во вторичной оказывается всего лишь означающим. Сам миф Барт называет метаязыком, так как он представляет собой вторичный язык, на котором говорят о первичном (Барт 2008: 271–272). Принципиально важен тот факт, что миф имеет ценностную природу и потому не подчиняется критерию истины. «Миф есть слово, в котором интенция гораздо важнее буквального смысла» (Там же: 282–283). Таким образом, первичный знак — «деньги» как особый товар и всеобщая эквивалентная форма стоимости — становясь означающим, наполняется новыми коннотациями. Но если Р. Барт определяет миф в качестве коннотации, надстройки над «нулевой степенью письма», то у В. Розина, кроме того, делается вывод о том, что миф (как разновидность знака) играет роль «заплатки» в месте разрыва смысловых связей или социальных практик. Обобщая выводы обоих, можно сказать, что мифологический метаязык выступает в роли скрепляющих социальную реальность воедино «заплаток» и «стежков» (та масса расхожих слов и представлений, которую Барт называл «докса» (Там же: 27)), формирующих целостную картину мира из нагромождения отдельных, не связанных между собой знаков и существований.

Примерный список коннотаций слова «деньги» (характерным является его частое написание с заглавной буквы, равно как слова «сила» и некоторых других, что обозначает замену их обыденного смысла на эзотерические коннотации), которые были зафиксированы во время семинара, следующий: «одна из энергий Творения», «энергии высокого порядка», «партнеры», «мера удовольствий», «уровень несвободы», «мера стоимости», «мера обмена», «мера урока», «мера состоятельности», т.е. их традиционное политэкономическое понимание оказалось дополнено эзотерическим. Использовались следующие устойчивые словосочетания и фразы: «энергия Денег» (тавтология: получается, будто бы энергия обладает собственной энергией), «высокие уровни Денег», «правильно построить отношения с деньгами», «даже не используя резервный капитал, человек всегда ощущает его поддерживающую Силу». Таким образом, деньги воспринимаются в качестве самостоятельно действующего субъекта (деньги «работают, растут, управляют, проявляют силу и власть, создают благоприятные условия»), обладающего собственной волей и действующего в соответствии с законами «высоких уровней» бытия, для которых законы развития мировой экономики выступают лишь как следствия. Одним из утверждений, прозвучавших в процессе объяснения принципов воздействия «причинного уровня» на процессы в сфере макроэкономики и мировых финансов, было то, что «до 2012 г. энергия (в том числе — и энергия Денег) опускается, но затем наступит новая эра и энергия начнет подниматься», благодаря чему после прохождения данного временного рубежа разбогатеть станет гораздо проще. Вместе с утверждением «Вселенная изобильна и ей не жалко богатств для того, кто попросит», это иллюстрирует эксплуатацию мифа о том, что «все будет хорошо» (Ильин 2008: 414–415). Всевозможные катастрофы, кризисы, бедность, несчастные случаи — словом, все те риски, которые преследуют индивидов в сов-

ременном обществе — встраиваются в новую логику причинно-следственных связей. Все, что происходит, обусловлено происходящим на «каузальном (причинном) уровне» (здесь идет постоянная отсылка к идеям руководителя «Школы Причинности» В.П. Гоча, излагаемым, например, в его двухтомной книге «Энциклопедия причин») и должно восприниматься как урок, «подарок Вселенной», позволяющий развиваться в направлении более высоких уровней сознания, а не как случайность или несправедливость.

Феномен такого отношения к деньгам позволяет провести отчетливые параллели с карго-культом, распространившимся среди племен Меланезии после вывода оттуда войск США. Суть его состоит в следующем: если для самих солдат армии США доставляемые по воздуху грузы (карго) являлись поставками оружия и припасов, то аборигены, не обладающие никакими знаниями, кроме полученных путем эмпирического наблюдения за прибытием самолетов с грузами, строили в своем воображении собственную схему происходящего, в которой прилетающие самолеты выступали как посланники из страны духов, куда уходят их предки после смерти. Грузы, которые они доставляют — дары ныне живущим потомкам, и все, что требуется от аборигенов, — правильными действиями привлечь самолеты, чтобы те сбрасывали грузы не на территории военных баз белых людей, а там, где их ждут они сами. Это выливалось в тщательное копирование всех действий персонала аэродрома, без понимания их истинного смысла, — вплоть до строительства моделей самолётов и взлетно-посадочных полос в натуральную величину из подручных материалов. Этот феномен очень показателен и позволяет сделать ряд выводов о природе верований в целом. По мнению Ж. Бодрийяра, современное общество, подобно выше упомянутым аборигенам, обладает верой во всемогущество знаков, а потому богатство и «изобилие» оказываются в нем только накоплением знаков счастья, причем благоденствия потребления не переживаются в повседневной практике как результат труда или процесс производства: они переживаются как чудо, и даже если изобилие делается повседневным и банальным, оно, тем не менее, подсознательно воспринимается как розданное благодетельной мифологической инстанцией. Однако в качестве такой инстанции выступают отнюдь не только свойственные постиндустриальному обществу Техника, Прогресс, Рост и т. д. (Бодрийяр 2006: 11-12), как это может показаться на первый взгляд, но и Бог, Вселенная, «высокие уровни» и «тонкие планы». Привнесение таких коннотаций позволяет замаскировать повсюду магией карго логику рынка.

Как было отмечено выше, потребность в новой мифологии следует из чувства неуверенности, рождающегося во взаимодействии с гиперсложной экономической и финансовой системой, где рациональные действия уже не означают (как это было ранее) того, что за ними с высокой долей вероятности последует желаемый результат. Как отмечает социолог Ульрих Бек, «...в обществе риска сознание (знание) определяет бытие». Это значит, что решающую роль играет вид знания, его независимость от собственного опыта, с одной стороны, и глубокая зависимость от знания, охватывающего все параметры грозящей опасности, с другой. То, какой ответ будет дан на вопросы, задаваемые индивидом, в той или иной мере скажется на степени его ущемленности. В том, что касает-

ся положительного или отрицательного ответа, степени, масштаба и форм проявления грозящей ему опасности, человек принципиально зависим от чужого знания. Вредное, таящее в себе угрозу, враждебное притаилось повсюду, но судить о вредности или полезности сами члены общества более не в состоянии и потому вынуждены пользоваться гипотезами, методами и контрверсами чужих производителей знания (Бек 2000: 63–64). Человек же, с каждым витком индивидуализации все больше высвобождаясь из социальных связей и «приватизируясь», меняет свое мировосприятие на более узкое и внеисторическое: его временные горизонты все сильнее сужаются, пока история (в экстремальном случае) не сжимается до вечного Сегодня, когда все вращается вокруг собственного «я», собственной жизни (Там же: 198).

В то же время, возвращаясь в область семиотики, нужно отметить, что, по отношению к социальной системе знак выступает как способ разрешения определенной социокультурной проблемы («разрыва», конфликта и т. д.) (Розин 2001: 32). Существование вещей-в-себе, независимых от нас, подчиняющихся имманентным законам эволюции, а также необратимый и непрерывный процесс становления мира человека попросту пугают. Важно, чтобы все вещи служили какой-то понятной цели, а именно — служили нам. Однако в обществе потребления серийное производство, через исчислимость отличий и комбинаторику вариантов расчлняющее поле значений и создающее репертуар элементов, словарь форм и красок, в которых могут запечатлеваться повторяющиеся обороты «речи», не обладает настоящим языком: в этой грандиозной парадигме не хватает настоящего синтаксиса, который сумел бы построить из различий нечто целое (Бодрийяр 1999: 204). Поэтому «деньги как проявление любви Бога» обладают успокаивающим эффектом, давая взамен чувства одиночества идею пребывания в руках Божьих. Это, несмотря на всего лишь «косметическое», символическое устранение рисков, оказывается той основой, на которой и выстраивается в настоящее время новая индустрия услуг, таких, как семинары и тренинги.

В то же время можно сказать, что материальное благосостояние выступает в качестве эквивалента индивидуального спасения (Бодрийяр 2006: 86), поскольку можно не верить эзотерической стороне тренинга — деньги и в этом случае остаются тем благом, к обладанию которым можно стремиться всю жизнь, конкурируя с другими членами общества, то есть благом позиционным. Но, в любом случае, мы не можем жить в абсолютной единичности, в той необратимости, знаком которой является момент рождения, и отрешиться от этой необратимости, устремленной от рождения к смерти, помогают нам вещи. Ныне, когда исчезают религиозные и идеологические инстанции, они остаются нашим единственным утешением; это бытовая мифология, в которой гасится наш страх времени и смерти (Бодрийяр 1999: 107-108). В другом случае вещи способны стать тем фундаментом, на котором можно постараться отстроить заново религиозные инстанции и идеологию, как это происходило на рассматриваемом семинаре.

Следует отметить, что понимание денег, близкое к свойственному протестантской этике (такой, как она описывается у М. Вебера), не характерно для

постсоветского общества России (к тому же — православного, по крайней мере номинально), поэтому его усвоение происходит с определенными трудностями. Так, значительная часть времени рассматриваемого семинара ушла на устранение негативных коннотаций слова «деньги», присутствующих в сознании его участников, таких как «деньги — зло», «деньги — грязь», «нельзя быть богатым и при этом честным», «страшно иметь большие деньги», «легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому попасть в Царствие Небесное» и т.д. Психологу приходилось по очереди индивидуально работать с каждым из слушателей, выявляя полученные в детские годы убеждения (следует отметить, что все они родились и провели детство, а большинство и юность еще в Советском Союзе, что и определило формирование большей части упомянутых стереотипов) и объясняя их несостоятельность именно через призму протестантских идеалов. Контраргументами первоначальным убеждениям посетителей семинара выступают также указание на пережитки советского прошлого, но, зачастую с эзотерической аргументацией («такое отношение к деньгам идет у вас по роду, от предков») и «зарождающиеся новые принципы мировой экономики, основывающиеся на вселенском изобилии».

Интерес представляет также анализ другой стороны взаимоотношений с деньгами — их правильного использования. Здесь, наряду с капиталистической трудовой этикой, начинают отчетливо проследиваться гедонистические интенции: описываются преимущества от активного движения финансовых потоков, их инвестирования и расходования; стремление накопить деньги (не в виде банковского вклада или инвестиций, а «сбережений под подушкой») осуждается как неправильное, не соответствующее самой природе денег. «Деньги уходят, оставляя нам подарки», «иногда полезно позволить себе то, что хочется», «думайте не о том, что тратите деньги, а о том, что вкладываете их — в свое развитие, да пусть даже просто в свое удовольствие — все это в будущем окупится!», «деньги не любят скупых», «Вселенная щедра, ей не жалко, и если вам будут нужны деньги, просто попросите — и вскоре получите их» — подобные утверждения свидетельствуют о переходе от морали, схожей с пуританской, к морали гедонистической. И, как видно из приведенных высказываний, одним из ключевых аргументов, обосновывающих правильность описанного стиля поведения, вновь выступает превращение денег в субъект: «отпущенные в мир, деньги расскажут о том, как им хорошо было у Вас, как легко их отпускают, и благодаря этому к вам легко придут новые деньги». В такой аргументации проследивается регрессия в некую архаическую магию, поскольку схема взаимоотношений с деньгами выстраивается по тому же принципу, что и у ребенка, отпускающего пойманную рыбку, чтобы та рассказала другим, как ее здесь выпустили обратно в реку, или у охотников тех племен, которые до сих пор остаются на уровне первобытно-общинного строя, совершающих жертвоприношение перед охотой.

Таким образом, совокупность идей, представленных на семинаре, отсылает к теории идеологии общества потребления, описанной в работе «Система вещей» Ж. Бодрийяра, где последний отмечал, что «мы вступаем в эпоху, когда реклама берет на себя моральную ответственность за все общество в целом, за-

меня пуританскую мораль гедонистической моралью чистого удовлетворения» (Бодрийяр 1999: 200). Семинар исполняет похожую роль. Однако видно, что пуританская мораль не исчезает совсем, подаваясь в качестве своего рода алиби: прежде всего, деньги — это проявление Божьей любви, а потому нет ничего предосудительного в том, чтобы их иметь. Об удовольствии от их использования говорится уже во вторую очередь. Впрочем, по словам того же Бодрийяра, в условиях столкновения двух идеологий пуританский и гедонистический дискурсы смешиваются (Бодрийяр 2006: 176), что и способствует их взаимодействию. Для российского общества, привыкшего к идеалам бесребренничества и нестяжательства, такая апелляция к протестантским ценностям представляется необходимой по той причине, что, ввиду своего религиозного контекста, не вызывает отторжения. Гедонистическая мораль прививается на более позднем этапе на созданную перед этим основу — по тому же принципу, по которому садовод прививает на ствол зимостойкой яблони-дичка черенок другого, более плодородного сорта.

Наконец, эзотерический дискурс семинара определяет новое восприятие души как объекта инвестирования. Через использование идеи о реинкарнации и уровнях развития души, ведущий дает схему 100 воплощений души в теле человека, в процессе которых она усваивает разного рода знания и навыки, причем уровни 50-70 посвящены, главным образом, обучению тому, как правильно строить отношения с деньгами. Отсюда ведущей были сделаны сразу два вывода:

1) о неприемлемости «перекоса в сторону духовных практик с пренебрежительным отношением к деньгам и физическому миру», поскольку «переход на Духовные планы возможен только после организации собственной жизни, пространства и времени на физическом уровне» (снова дается отсылка к протестантской этике);

2) о том, что воплощение может оказаться еще слишком ранним для того, чтобы в полной мере освоить взаимодействие с Энергией Денег, и над ним придется многократно работать в следующих воплощениях.

Такое объяснение оказывается выгодным одновременно для обеих сторон, поскольку избавляет ведущего от ответственности за возможные низкие результаты, а посетителям семинара дает надежду на новые попытки достичь состоятельности и богатства и веру в то, что если их инвестиции в свою душу и не принесут сразу высоких дивидендов, в будущем они все равно окупятся. Кроме того, утверждается, что в соответствии с законом воздаяния (Кармы) человек имеет ровно столько, сколько заслуживает.

Деньги выступают в качестве целой серии мифов, характерных для общества потребления, и в статье был рассмотрен лишь один из возможных вариантов — эзотерический. Резюмируя все изложенное, можно выделить три основных смысловых блока, позволяющих дать характеристику рассматриваемого мифа:

1) деньги — это высшая энергия, проявление любви Бога, поэтому человеку не следует бояться или бежать от них;

2) как и все в мире, деньги подчиняются законам высших уровней бытия, поэтому ничто в мире не происходит случайно;

3) существует особая этика взаимоотношений с деньгами, которая позволит привлечь их и не испытывать нужды ни в чем.

Как отмечает Ульрих Бек, научные аргументации, со времен Просвещения признанные единственно компетентной легитимирующей инстанцией, в ходе своей генерализации как бы утрачивают нибд рационально непрерываемого авторитета и постепенно становятся социально свободными. Факт того, что научные высказывания более не неприкосновенны, а могут быть оспорены на уровне повседневности, означает, что систематическое сомнение как структурно несущий принцип научного дискурса более не является привилегией последнего. Разница между дилетантами и экспертами исчезает и превращается в конкуренцию различных экспертов (Бек 2000: 256). Все дискурсы оказываются примерно равнозначны и признаются имеющими право на существование и определение социальной реальности, что ведет к ее интерпретациям в целом и в ее отдельных частях по правилам того или иного дискурса, в том числе — и эзотерического. И здесь важно отметить, что сознание современного россиянина, относительно научившееся различать мифы, традиционно воспроизводящиеся в его непосредственном окружении (например, те из них, которые относятся к советской и современной капиталистической действительности), остается, однако, уязвимым перед мифами экзотическими, с которыми не приходилось сталкиваться раньше и в отношении которых его методы критического анализа оказываются недостаточно эффективными. В немалой степени этому способствуют также высокий уровень рисков и вакуум в экзистенциальном измерении смысла, характерный для ацентричной, лишенной авторитарных центров-оснований картины мира, присущей современному западному обществу (Богданов 2011: 3). Актуализированная потребность в осмысленной и целостной картине мира, становясь спросом, рождает и ответное предложение, включающее не только эскапистские способы уйти от бессмысленности мира (как в тоталитарных сектах), но и эзотерические способы интерпретации социальной реальности, позволяющие увидеть смысл позади вещей, которые, покрываясь слоем мифов, начинают отсылать к трансцендентному. Посредством такой отсылки удастся выстроить новую целостную картину мира, в которой человеку отводится свое четко определенное место и не происходит ничего случайного (кризис, бедность — это лишь «урок»; человек имеет ровно столько, сколько он в настоящее время заслуживает), а вещи получают, помимо их утилитарной функции, новые коннотативные значения, определяемые в качестве высших. Примечательно, что деньгам в выстроенной таким методом реальности отводится роль одной из высших энергий Творения, субъекта, который может по своему желанию наделять властью и возможностями. С учетом того, что денотат этого слова — «всеобщая эквивалентная форма стоимости», деньги действительно начинают играть роль связующего звена, через которое все, что может быть приобретено и потреблено, получает связь с трансцендентной реальностью.

Литература

Барт Р. Мифологии / Пер. фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. М.: Академический Проект, 2008.

Казаков Д.С. Эзотерическая мифология денег в формирующемся...

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Богданов А.И. Экзистенциальное измерение смысла: автореф. дис. канд. филос. наук. Чебоксары, 2011.

Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. М.: Республика; Культурная революция, 2006.

Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1999.

Ильин В.И. Потребление как дискурс: учебное пособие. СПб.: Интерсоцис, 2008.

Розин В. Семиотические исследования. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001.